

Мандельштам О.Э.

18/XI-87

Моего комсомолец — 1987 — 18 ноября

Александр АЛЕКСЕЕВ-ГАЙ

Встречи с Мандельштамом

Автор предлагаемых читателю стихов и воспоминаний Александр Николаевич Алексеев-Гай в начале 30-х годов был одним из участников ЛОКАФ (Литературного объединения Красной Армии и Флота). Служил краснофлотцем, затем перешел в торговый флот. В годы Великой Отечественной войны участвовал в обороне Балтики, плавал помощником капитана на кораблях, доставлявших грузы из США и Канады. После войны служил в Балтийском пароходстве, более двадцати лет плавал в Арктике, где проводил суда по Северному морскому пути.

— **О**БРАТИТЕСЬ к товарищу Мандельштаму, в той комнате...

Так сказали мне в редакции газеты «Московский комсомолец», куда я обратился со стихами в начале осени 1929 года, будучи в Москве в гостях у родителей.

Услыхав «...к Мандельштаму», подумал, что это, верно, какой-нибудь однофамилец. Не станет же тот Мандельштам работать в молодежной печати. За столом, согнувшись над рукописями, сидел человек. Несмотря на теплую погоду, он был в пальто серо-зеленого цвета и показался мне неопределенного возраста.

— Ну, что там у вас? — как бы нехотя произнес он и принял у меня текст. Потом начал читать вслух мою поэму о революции 1905 года и, к моему удивлению, монотонно, точно псаломщик. Однако лицо его стало постепенно расплываться. Не спеша, он дошел до драматической сцены.

— Тут надо обратить внимание на ритм, — решил пояснить я.

— Э, батенька, я на ритмах собаку съел.

Меня осенило:

— Так вы — поэт Осип Мандельштам! Он стал разбирать стихи дальше.

— Тут у вас: «Надежда на спасенье тусклее гроша». Это звучит как перевод с иностранного.

Сделав еще несколько замечаний, он сказал:

— Хорошо, что вы напали на меня, а то ведь у нас смотрят на материал так: подходит ли тема по календарю. Я возьму ваши стихи, в них есть любовь к слову, есть революция.

Так, благодаря Осипу Эмильевичу стихи мои впервые появились в печати. При этом, сочтя свою фамилию «Алексеев» слишком банальной, я вздумал подписаться «внеклассовым» именем «Разночинец».

— Не стоит, — отсоветовал Мандель-

штам, — будет манерно. Есть уже у нас «Пришельцы», «Голодные».

Тогда, по ассоциации с вычитанным из одного календаря-справочника названием города, Александров-Гай решил: пусть я буду «Алексеев-Гай». С этим Осип Эмильевич согласился.

В этот же период он «открыл» поэта Николая Сидоренко и устроил ему и мне выступление в одном из крупных клубов или домов культуры Рогожско-Симоновского района Москвы, может быть, завода «АМО» или «Динамо».

Вскоре я, тогда призванный, ушел служить на Балтийский флот, и вторично встретиться с Осипом Эмильевичем мне пришлось два с половиной года спустя, по возвращении со службы. Жил он тогда с женой в первом этаже правого крыла дома Герцена на Тверском бульваре. Я занимался еще и фоторепортажем, мои снимки печатались в журналах «Огонек» (тогда еще черно-белом), «Прожектор» и других. Увидев одну из моих работ с удачной композицией кадра, Мандельштам стал настойчиво советовать мне работать в кино и даже написал записку кинооператору Б. Цейтлину: «Автор этого снимка ничего не просит, не домогается, но посмотрите, какая сила глаза!»

Этой рекомендацией я не воспользовался. Стать профессионалом в данной области не имел намерения, да и не рисковал расплыться, преимущество отдавал стихам. К тому же не мог быть привязанным к одному месту, так как собирался пойти в торговый флот, повидать мир.

В 1934 году, придя из плавания в Ленинград, я узнал от поэта Бенедикта Лившица, что Мандельштам удален в Воронеж за стихи против Сталина, который якобы сказал: «Изолировать, но не губить!» Тогда такой версии еще можно было поверить. Позже дошли сведения, что Осип Эмильевич попал в места, куда более отдаленные. О трагедии Осипа Эмиль-

евича мы узнали уже после XX съезда КПСС.

Тогда, в 1929 году, в «Московском комсомольце» Осип Эмильевич напечатал отрывки из моей поэмы «Машинист Ухтомский», где есть такие строчки:

Лица обстрел тревогою выбелил,
Руки кочегара уже устают,
Но последнее усилие тысячной
погиблею
Выгнулось — и пули уже отстанут.
Сейчас-то я, конечно, пишу по-другому:

**

Подступившая линией танков, эта ночь без единой звезды, театральный разъезд над Фонтанкой, эта оттепель в марте и ты. Ты явилась нечитанной книгой, но я вижу, едва лишь знаком, что какое-то тайное иго держит душу твою под замком. Галереи в Апраксином рынке бесконечным чернеют дуплом. От твоей кумачовой косынки вдруг повеяло в душу теплом. Это все. Остальное значенья не имеет. Мы вместе, вдвоем. Ни глубин впереди, ни теченья. Ничего мы не зная, плывем.

**

Рязанская глушь синела окрест порою дней сенокосных, и ветер устраивал мне оркестр, играя на старых соснах. Но с детства знаком мне взмах весла, и чуял пространства зов я, и матушка-Волга меня несла с истоков своих в низовья. И где у Дербента каспийский вал берег скалистый моет, стоял я и в строфы переливал ночные его прибой. И дальше спешил я уйти на юг, барьеры брал без разбега, чтоб там поклониться, как верный внук,

сединам деда-Казбека. И Белого моря приняв призыв, старался с севером свыкнуться, и в барах торговых ломал язык, родной Шекспиру и Диккенсу. И дальше душа не легла, как пласт, но только рвалась на штурм она, когда на меня свой тарашил глаз Ледовитый у рифов Мурмана. И чужа пространств непрестанный клич, и Родине сердцем предан, я душу старался ее постичь, успехи ее и беды. Вот так средь людей, и добрых, и злых,

дорог, пристаней и станций я проходил, чтобы взять их в стих, снаружи — совсем оборванцем.